

DOI: 10.15643/libartrus-2016.5.9

Башкирские топонимы, образованные от субстратных географических терминов индоиранского происхождения

© Г. Х. Бухарова

*Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы
Россия, Республика Башкортостан, 450000 г. Уфа, ул. Октябрьской революции, 3а.*

Email: buharova_g@mail.ru

Местные географические термины играют большую роль в формировании топонимической системы определенного региона. В географической терминологии сохраняется архаическая лексика, уходящая корнями в глубину веков и подтверждающая древние контакты местного населения. Выявление, системное их описание и всесторонний анализ способствуют решению многих актуальных не только лингвистических проблем, но и выяснению вопросов истории, этнических контактов народов и т.д. В данной статье рассматривается субстратная местная географическая терминология индоиранского происхождения, участвующая в образовании башкирских топонимов, а также этнонимов. Путем выделения топоформантов, топооснов, топонимических типов сделана попытка выявления индоиранского субстрата в башкирской географической терминологии и определения его роли в топонимообразовании.

Ключевые слова: башкирский язык, Башкортостан, топонимия, этнолингвистика, этимология, индоиранский субстрат, этнические контакты, этнотопоним.

В начале XXI в. известный уральский топонимист А. К. Матвеев писал о том, что на Южном Урале господствует тюркская (башкирская) топонимия, которая образует верхний слой названий. И он особо подчеркнул, что башкирские ученые сделали немало в области изучения структуры и семантики тюркских географических названий, сама по себе тюркская топонимия изучена уже достаточно хорошо, проблему создают довольно многочисленные дотюркские названия, подступы к «расшифровке» которых серьезно затрудняются их переработкой в тюркской среде. По его мнению, интерпретация дотюркских названий может иметь радикальные последствия для реконструкции лингвоэтнической карты Южного Урала в древности. А. К. Матвеев, активно участвовавший в разработке и обсуждении двух труднейших вопросов, связанных с происхождением субстратной топонимии Южного Урала, а именно с поиском древневенгерских и иранских топонимических реликтов в этих местах, предложил ряд этимологий субстратных топонимов. Говоря об актуальности и сложности этой проблемы, он отметил, что «„прорывных“ исследований в этой области пока нет. Однако фактов довольно много, и надо надеяться, что рано или поздно ключ к ним будет подобран» [1, с. 9].

Впервые на наличие в топонимии Южного Урала и Средней Азии субстратных топонимов иранского происхождения указал А. К. Матвеев [2, с. 133–142]. Позднее его идея на материале топонимов Башкортостана была подтверждена в исследованиях Н. Д. Гариповой и Т. М. Гарипова [3, с. 185–189], Дж. Г. Киекбаева [4, 115]. Иранские элементы в топонимии Башкортостана находят отражение и в современных исследованиях. Как показывают наши наблюдения, индоиранский пласт в топонимии региона связывается с индоиранской мифологией, с образами индийской и иранской теонимии и демононимии, с географической терминологией, характеризующей особенности рельефа, ландшафта, водной сети и т.д.

Данная статья посвящена исследованию башкирских топонимов, образованных от субстратных географических терминов индоиранского происхождения. «Субстрат (из лат. *Substerno* – «подкладывать, подстилать») – тот топонимический (языковой, этнический) слой, который не объясняется из современных языков, а принадлежит языкам предшествующих народов, отдельные элементы этого слоя сохранились в языке последующих поколений и более четко в географических названиях, не поддающихся этимологиям без специальных научных изысканий» [5, с. 25].

Еще в 50-е гг. прошлого века, раскрывая сущность языкового субстрата, В. И. Абаев писал о том, что языковой субстрат предполагает субстрат этнический. Сущность субстрата он объяснил следующим образом: «Явление субстрата возникает в тех случаях, когда имеет место массовое усвоение коренным населением чужой речи в результате, скажем, завоевания, этнического поглощения, политического господства, культурного преобладания и пр. При этом местная языковая традиция обрывается, и народ переключается на традицию другого языка». Особо важным в вопросах трактовки субстрата является его вывод о том, что субстрат не есть понятие чисто лингвистическое, а явление субстрата предполагает этногенетический процесс, сопровождающийся определенными языковыми последствиями. По его мнению, выдающийся интерес проблемы субстрата заключается, именно в том, что это – одна из тех проблем, где наиболее очевидным и осязаемым образом *история языка переплетается с историей народа* (выделено автором. – В. А.). Языковой субстрат предполагает субстрат этнический. Первый без второго не имеет смысла» [6, с. 57].

О том, что явление субстрата не только языковое, но и этническое явление, свидетельствуют башкирские этнонимы индоиранского происхождения и связанные с ними топонимы. Как известно из истории, во II–I тыс. до н. э. существовала индоиранская общность – арийцы, предки современных индийских и иранских народов. Существуют различные гипотезы об их прародине: до ухода в Индию и Иран они населяли Европу; южнорусские степи; южное Приуралье; междуречье Амударьи и Сырдарьи; восточный Казахстан; Прикаспийскую низменность или земли северней по Уралу и Волге и т.д.

По нашему предположению, протоиндоиранцы оставили заметный след и на Южном Урале. Протоиндоиранцы – предки индийцев и иранцев, называются «арья» (*arya*). Арийцами в древние времена называли себя восточные индийцы. В наше время арийцами называют в основном иранцев. Происхождение этнонимического термина *арий* трактуется следующим образом: **aria-*, **aria-* «ариец; иранец» – из арийск. **aria-*, **aria-*, др.-инд. *Arya* – «ариец; принадлежащий к одной из высших каст арийского общества». Предположительно, из и.-е. **arjō-* «господин; свободный человек». Образование **aria-* «ариец» считается производным от обозначения «гостеприимный хозяин дома, господин» (ср. вед. *arya-* «хозяин дома» (ср. вед. *arya-*, *arya-*), связанного, в свою очередь, с арийск. **arj-* «чужак, чужой» (ср. др.-инд. *arj-* «незнакомец, чужой; пришелец; иноплеменник») с семантическим изменением через этап «чужак, не враждебный ведическому обществу и культуре», первоначальное значение **aria-* «оказываю гостеприимство чужому» [7, с. 222].

Интересно отметить, что в современном башкирском языке сохранились некоторые значения слова *арий*, перечисленные выше. Так, например, в среднем говоре южного диалекта башкирского языка имеется слово *арйа*, которое употребляется в значении «чужой, чужак» [8,

с. 25]. Возможно, что слово *арий* в значении «благородный, достойный, хороший» соответствует башкирскому слову *арыу* в том же значении. Элемент *ар-* присутствует и в родоплеменном названии «аргиппеи». Так назывались в прошлом предки современных башкир.

Как пишет Геродот, у подножия Рипейских гор обитает справедливейший народ – аргиппеи [9, с. 23]. Древние называли Урал Рипейскими/Рифейскими или Гиперборейскими горами. В античных источниках говорится (в связи со скифами) о Рипейских горах, которые, вероятно, соответствуют Уралу. По Геродоту, Скифия имеет форму правильного квадрата. Южной границей «скифского квадрата» является море, а северной – мифические Рипейские горы, достигающие, по утверждениям некоторых авторов, небес. Рифей (греч.) – в мифологии это горная гряда, на которой спал бог снега и бурь Борей, имевший ледяное сердце.

По мнению И. И. Соколова и С. Я. Лурье, аргиппеи – плешивые аборигены территории Башкирии – родственники башкир [10, 42–44; 11, с. 100]. Следует добавить, что древнебашкирское племя тазларцев (от *таз* «плешивый») Дж. Г. Киекбаев считал потомками аргиппеев [12, с. 116]. Вот какими благородными (по-башкирски «арыу») аргиппеи описываются Геродотом: «...как передают ...лысые от рождения ...говорят они на особом языке, одеваются по-скифски, а питаются древесными плодами, ...пьют сок под названием «асхи». Каждый живет под деревом, на зиму дерево всякий раз покрывают плотным белым войлоком. Никто из людей их не обижает, так как они почитаются *священными* (выделено автором. – Г. Б.)... Они улаживают распри соседей, и если у них найдет убежище какой-нибудь изгнанник, то его никто не смеет обидеть. Имя этого народа – аргиппеи» [9, с. 242–243].

По нашему мнению, в структурно-семантическом отношении слово *аргиппеи* состоит из элемента *ар-*, который восходит к *арья*, и *гиппея*. Возможно, *гиппея* – греческое слово, обозначающее лошадь, отсюда ипподром, иппотерапия и личные имена греческого происхождения: Ипполит, Филипп, Ипполинария. Можно предположить, что аргиппеи – это арии – укротители лошадей.

Элемент *ар-*, общий с башкирским и иранскими языками, имеется и в топонимии Республики Башкортостан: Арлар – село в Ишимбайском районе, от этнонима *ар* и аффикса множественного числа – *лар*; деревня Ариево (башк. Арий) в Дуванском районе. Но, как правило, этнонимический термин *ар* в тюркских языках Поволжья и Предуралья – татар, башкир и чувашей – связывается с удмуртами, так эти народы называют удмуртов. Автор этимологического словаря удмуртского языка В. И. Алатырев объясняет происхождение этнонима *ар* на почве индоиранских языков. По его мнению, «термин **ар** явно напрашивается на сравнение с индоиранским словом ***ari**; ***arja** «чужой, чужак, посторонний» и иногда «дикий»: вед. *arī-* «чужой, чужак, посторонний», др.-арийск. *arī*, *arja* «чужой», *arjana* «истинно чужой»... Слово **arja** (***arjana**) имеет еще и другие значения: «ариец; арийский; герой, удалец; господин»... Еще добулгарские (тюрко-угорские и гуннские) родоплеменные этнические группировки, продвигаясь с Востока и Юго-Востока в район Волго-Камья, об удмуртах (арах) могли впервые узнать от древних индоиранцев. Следует также учесть, что в составе волжских булгарских этнических групп были кочевники и из «сармато-аланских племен...» [13, с. 100–101]. Родовое подразделение *ар* присутствовало и в составе башкирского племени *йәнәй*.

Языковая принадлежность некоторых башкирских этнонимов объясняется башкирскими языковедами с опорой на иранские языки. Так, например, Дж. Г. Киекбаев значения этнонимов *Дьуани Табын* разъясняет на примере языков иранских, ираноязычных аланских племен, оби-

тавших во II–IV вв. н. э. на Южном Урале. По его мнению, происхождение этнонимов *Дуван* (*Дуваней*) и *Табын* восходит к иранскому диван «совет, сбор, сборище», табын «круг, совет» [9, с. 233].

На наш взгляд, список башкирских этнонимов, объяснимых на основе иранских языков, можно продолжить. По нашему предположению, башкирское родоплеменное название *Упей* (*Өпәй*) образовано от индоевропейского **ура* «вода, река» и суффикса *-эй*. Как известно, башкиры племени *упей*, *упейцы* расселены в настоящее время на правом берегу реки Уфа. Племя, занимавшее земли по реке *Уфа* (*Унна*) (на старых картах, в частности, на карте России Н. Сансона 1688 г., название реки Уфы обозначено как Уппа) получило родоплеменное название *Өпәй* (*упей*). (Сравните: *Упай*–правый приток Раузяка в Ишимбаевском районе, *Упай яланы* – поляна в Бурзянском районе, *Унна* – река в Севастополе).

На материале ландшафтной лексики индоиранских языков можно объяснить происхождение башкирского этнонима *бөрйән* «бурзян». Как известно, бурзянцы, как и тамьянцы, катайцы, тазларцы, табынцы, дуванцы, юрматынцы, зилаирцы, салжугуты, являются древними автохтонными башкирскими племенами.

Архетипом слова *бөрйән* могло быть слово *борджан*, состоящее в структурно-семантическом отношении из иранского *борджь* «высота», «гора», «холм» и аффикса названий мест в иранских языках – *-ан* (таким же способом образовано и *Иран*, *Соран*, *Каран* и т.п.). В сочинениях арабских географов и историков IX–X вв. встречается этноним аль-бурджан, но в современном башкирском языке данное слово претерпело фонетические изменения: бурджан > бөрйән. Такой звуковой переход характерен для данных языков: персидское *джан* «душа» в современном башкирском звучит в форме *йан/йән*.

Борджь или *Альборджь*, так назывались в западной Персии (Иран) различные горы [14, с. 53]. Как писал К. Риттер, *bordi* в парсийском переводе означает «возвышенный», который происходит от *berezat*, по-санскритски *vrihat* «великий, высокий». Действительно, в иранских языках **barzah-* (ср. др.-инд. *Varhas* «сила, крепость») > ав. *Varazah* «вершина, гора; высота»; др.-перс. **bardah* «высота» **barzan* «высота» > ав. п. *barazan* «высота»; др.-перс. **bardan* «высота, глубина» [15, с. 119]. Башкирский этноним *Борджан/Бөрйән* этимологизируется на примере ландшафтной лексики иранских языков, где **barzan* «высота». Жители данной местности, или бурзянцы, получили этноним от названия горного рельефа. Действительно, Бурзян – самый горный район Башкортостана, где изобилуют длинные высокие горы, камни, скалы, утесы.

Этнические связи башкир и индоиранцев не могли не отразиться в башкирской топонимии. Нами выявлен довольно большой пласт индоиранских субстратных географических терминов, сохранившихся в составе топонимов, а также в нарицательной диалектной лексике башкирского языка. В башкирской топонимии обильно представлены географические названия, образованные от ландшафтной лексики индоиранского происхождения. В данной статье рассматриваются только некоторые из них.

Под *ландшафтной лексикой* понимают лексику, обозначающую особенности рельефа местности, или географическую терминологию, географическую апеллятивную лексику. К географической терминологии, характеризующей ландшафт, относятся слова, обозначающие элементы рельефа, водной сети, почв, растительного покрова, а также антропогенные элементы ландшафта, т.е. географический ландшафт, созданный в результате целенаправ-

ленной деятельности человека или возникший в ходе непреднамеренного изменения природного ландшафта. К антропогенному ландшафту относятся также природно-производственные комплексы, городские поселения и т.д.

Среди названий индоиранского происхождения, характеризующих ландшафт, можно выделить географические названия, связанные с элементами горного рельефа, водной сети, а также географические названия, связанные с антропогенным ландшафтом и т.д. В башкирских топонимах индоиранского происхождения встречаются также названия, характеризующие почву и растительный покров. Перейдем к рассмотрению субстратных географических терминов индоиранского происхождения, функционирующих в составе современных башкирских топонимов.

1. Гидронимические термины индоиранского происхождения, сохранившиеся в башкирских топонимах:

av/aw «вода»; «влага»; «жидкость»; «слезы»: др.-ир. *ар-; авест. *ар-, др.-перс. Apī-, др.-инд. ара, ср.-перс. ар, перс. ab, занг. aw, гур. aw, бел. ар, тал. ov, гил. ov, маз. ow, афг. обэ, ягн. ар. каш. ow, най. ой, сив. av (ай), нат. ай «вода», вон., кохр., кеш., зефр. ow, семн. ow, сорх. aw «вода» [7, с. 94]. От этого географического апеллятива образованы башкирские гидронимы **Авдон, Авзян, Аврюз, Авяз, Авялаш, Авянаш, Авашла, Аврез**, и многие из них объяснимы на почве индоиранских языков. **Авдон** – река в Уфимском районе. Гидроним образован от av «вода» и danu «поток». Сравните: danu (санскр.) – сочащаяся жидкость. **Әүжән** (Авзян) – р., прав. пр. Агидели (Белой) в Белорецком, Бурзянском районах. По нашему мнению, Әүжән состоит из двух основ, которые восходят к индоиранскому av «вода» и зауin «рождаться», т.е. место просачивания подпочвенной воды, место, где пробился источник. В курдском языке avzet «просачивание воды»; «родник, источник»; «болото, болотистое место». **Әүрез** (Аврюз) – левый приток Демы в Альшеевском р-не; правый приток Белой в Кугарчинском р-не. Возможно, образовано от **av/aw** «вода» и рез «течь, литься». Название реки Рэз – левый приток Белой в Белорецком р-не А. К. Матвеев объясняет от иран. рез «течь, литься» [2, с. 169]. Действительно, данное слово можно сравнить с др.-ир. *raz-*, ав. *raz-*, *raz-* – «направлять», др.-инд. *raj-* – «направлять», лат. *rego*, нем. *Richten* – «направлять» и т.д. [16, с. 14–18]. Сравните: **Эуерэз (Аврюз)** – рч. в Балтачевском р-не, д. Ялангач; **Эурэз каяһы** – скала в Кугарчинском р-не, д. Верхний Биккужа; **Эурэз тау** – гора в Миякинском р-не, деревня Уршак-Башкарамалы. **Әүрезтамак (Аврюзтамак)** – деревня в Альшеевском р-не. От гидронима Эурез и тамак «устье». **Әүэз (Авяз)** – приток Сикелги в Ишимбайском р-не, д. Кулгана. **Әүәләш (Авялаш)** – речка в Янаульском р-не, деревня Новый Артаул. Ср.: *Авялашская* – речка в Зауралье. **Әүәнәш (Авянаш)** – родник в Гафурийском р-не, деревня Мраково. **Әүәшле (Авашла)** – левый приток Белой в Зилаирском р-не.

darya, dalya «море». Перс. *Darya* «море»; ср.-перс. *drayak*, др.-перс. *draya*, ав. *Zraya* – «море», др.-инд. *Jraya* «движение, бег». Сравните: парф. *dur* \dr\ «долина; глубокое ущелье; узкий овраг», пар. *dur*; курд. курм. *dur*, курд. сор. *dar, daru* «ущелье; горный проход» – из персидского; ср. также заза *dar* «река»; бел. *dar* «трещина; расселина» [15, с. 344]. Данный географический термин сохранился в гидрониме **Ашказар (Ашкадар)** – левый приток Белой в Стерлитамакском районе, правый приток Сакмары в Зилаирском районе. Речка **Ашкадар** – правый приток Сакмары в Зилаирском районе. Данный гидроним Дж. Г. Киекбаев объясняет от перс. *ашка* «белая, чистая»; *даръя* «река» [4, с. 115].

***don-, *dan-** «река, вода». В индоиранских языках *danu*: ср. др.-инд. *danu-* «капающее течение, капающий; капель, роса», интерпретируется как «капающий» или как «дар (небес)».

Восходит к и.-е. **danu-*, по Ю. Покорному, от глагольного корня **da-* «течь; текущий». Не исключается праиранская контаминация с аналогичным образованием от **dan-* < арийск. **dhan-* (ср. др.-инд. *dhan-* «бежать, течь» и образованные от него вед. *dhdn-u-*, *dhan-v-a-* «бежать, течь») от и.-е. **dhen-* «бежать, течь», скиф. **don-*, **dan-* «река, вода» [15, с. 450]. Данный корень имеет широкий ареал распространения, самое известное – **Дон**, а в башкирской топонимии сохранилось в названии **Авдон**, которое можно объяснить как «водное течение», «водный поток». Башкирские реки **Тере Танып (быстрый Танып)** – р. прав. пр. Белой, **Танып** – рч., лев. пр. Большого Нугуша в Бурзянском р-не, возможно, образованы от индоиранских корней **dan* и *av/aw/ap* «вода»; «влага», архетипическая форма, возможно, была **danap*. Имеется башкирский этноним **танып**. Основная часть таныпцев проживает в селах Аскинского, Татышлинского, Балтачевского и Караидельского районов Башкортостана. Жители, сидевшие на берегу данной реки, возможно, получили речной этноним **танып**, среди них выделяются родовые подразделения **Су-Танып**, букв. «водные таныпцы», и **Кыр-Танып**, букв. «полевые, степные или горные таныпцы».

toya «вода» в санскрите [17, с. 248]. Гидроформанты **төй-/туй-** в топонимии Башкортостана: гидроним **Төй, Төйлэн (Тюлянь)** – левый приток Демы в Альшеевском, Давлеканском районах. Вариант названия **Дөйлэн; Төйэлэс (Туялас)** – правый приток Урала в Баймакском, Хайбуллинском районах. **Туймазы** – город республиканского подчинения, центр одноименного района. Образовано от гидронима **Туймазы**. Происхождение гидронима можно объяснить из санскрита, где *toyataya* означает «состоящий из воды», где *toya* «вода» [17, с. 248].

***ud, *ued «вода»:** в санскрите *udaka* «вода» -> *audaka* «вода». Данный термин участвует в названии реки Узы – левый приток Демы в Благоварском, Чишминском районах. Возможно, *уд/уда* – ностратический элемент. Это слово зафиксировано в словаре выдающегося русского лингвиста-компаративиста, обосновавшего ностратическую теорию родства нескольких семей языков и создавшего сравнительную фонетику и словарь общих корней данных языков В. М. Иллича-Свитыча: в алтайских языках – *ödL* «дождь» (тунг.), уральских – *wete* «вода», дравидийских – *ōtL-/wetL* «влажный», в индоевропейских – *ued* «вода» [18, с. 22].

***sal- 'вода, источник' / sara 'вода, течение':** др.-инд. *sala-*, *sara-* 'вода, течение', *sara* (скр.) – ручей. Термин *sala* сохранился в названии рек: **Салажы** – правый приток Каны в Бурзянском районе, правый приток Нугуша в Мелеузовском районе, левый приток Урюша в Караидельском районе РБ. **Салсык** – речка в Миякинском районе, с. Богдан. Возможно, *сал-* от и.-е. основы **sal-* 'вода, источник'. В южном диалекте башкирского языка (средний говор, ик-сакмарский говор) слово *салсык* употребляется в значениях 'вода' 'немного болотистая местность', а также 'грязь'. Дж. Г. Киекбаев гидроним *Һәләүек* объясняет от персидского *сейл* «поток» и афф. *-үк* и добавляет, что *Һәләүек* – горная река, впадающая в Зиган (Егән) с горной стороны [4, с. 115]. Сравните: одно из значений многозначного слова *hala* в санскрите 'вода' [17, с. 772]. В данный семантический ряд можно отнести название реки **Сарман**. Возможно, гидроним **Сарман** состоит из элементов **ser-* 'течь', *sara* 'вода, течение' и *mei-n/min/meage* 'идти', 'течь'. В санскрите *sara* 'вода', 'ручей', *sarapa* 'извержение', *sarani* 'поток', 'река', 'струя' [17, с. 727].

2. Оронимические термины индоиранского происхождения, сохранившиеся в башкирских топонимах:

bar/bard 'камень'; 'скала, утес'. *bar/bard* «камень»; «скала, утес», восходит к древнеиранскому **varta-* [7, с. 118]. В славянских языках **bьerdo* представляет собой термин местного горного рельефа и употребляется в значении «гора, холм, утес, скалистая гора, глубокая пропасть

с отвесными стенами». В чешском языке *brdo* «холм», в болгарском *бърдо* «гора», в русских диалектах бердо «берег, косогор, ущелье», украинское бердо «скала», старо-славянское бърдо «гора». Восходит к др.-ир. **varta*. Элемент *бард-* находит отражение и в топонимии Республики Башкортостан: **Бардовка** – село в Кушнаренковском районе Башкортостана. Образовано от *барда* и суффикса *-овк*. В Башкортостане на реке Уфе имеется хребет **Барда**. На территории Башкортостана названия с топоосновой *бард-/бард-* распространены довольно широко. Например, названия следующих рек и сел Башкортостана: **Барземле** – приток Сима в Архангельском районе, **Барзэсле** – село в Чекмагушевском районе, от гидронима **Барзэсле**, **Берзэшле** – левый приток Зилима в Гафурийском районе, **Барзэш** – село в Караидельском районе. **Барзэшле (Бердяшле)** – левый приток Зилима в Ишимбайском, Гафурийском районах. **Барсеуэн** – левый приток Белой в Чишминском, Уфимском районах. Следует подчеркнуть, что ареал распространения топонимов с основой *барда* совпадает с территорией исторического Башкортостана: названия с *барда* имеются в Пермском крае, Челябинской и Свердловской областях: районный центр **Барда**, деревня **Спас-Барда** (Кишертский район), **Верх-Барда** (Еловский район), **Бикбарда** (Куединский район), **Бардабаши**, **Бардабашка** (Бардымский район), реки **Бартым** (левый приток реки Шаквы в Березовском районе и правый приток Ирени в Октябрьском районе), река **Барда** (Лысьвенский район), речка **Буртымка** (приток Верхней Мулянки в Пермском районе), в Челябинской области есть поселок **Бердяуш**. *Барда* – притоки Сылвы, Тулвы и Сайгатки в Пермском крае и **Бардым** – приток Серги в Свердловской области. На наш взгляд, по ареалу распространения топонимов с основой *бард-/берд* можно судить о продвижении или о местах бывшего расселения протоиндоиранцев. На реке *Берда* в Новосибирской области расположен г. *Бердск*. Немало названий с элементом *бард-/берд/барз* в Осетии, Армении. Топоформанты с элементом *бард-/берд-* распространены и за пределами России. Топонимика Таджикистана изобилует именами со словами бар, барз, варз: **Варзоб**, **Варзобский перевал**, **Варзиканд**, **Барозгох**, **Бардара** и т.д. В Азербайджанской республике есть районный центр **Барда**, на Украине – города **Бердичев**, **Бердянск**, существуют город **Барда** в Югославии и **Бардымские** хребты в Болгарии. **Борджь**, или **Альборджь**, так назывались в западной Персии (Иран) горы [14, с. 53]. Как писал К. Риттер, *bordi* в парсийском переводе означает «возвышенный», который происходит от *berezat*, по-санскритски *vrihat* «великий, высокий» [14]. Действительно, в иранских языках **barzah-* (ср. др.-инд. *Barhas* «сила, крепость») > ав. *Barazah* «вершина, гора; высота»; др.-перс. **bardah* «высота» **barzan* «высота» > ав. п. *barazan* «высота»; др.-перс. **bardan* «высота, глубина» [15, с. 119]. К данному лексико-семантическому разряду можно отнести и название горы **Эльбрус**, которое соответствует древнему зендскому **Борджь**, или **Альборджь**.

baž; baž, также **paža** ‘холмистая местность’. **Бүжэ** – гора в Ишимбайском районе Башкортостана. У подножия горы находится деревня Гумерова, историческое название которой Бүжэ (Бужа). В словаре топонимов Республики Башкортостан данные ороним и ойконим не зафиксированы. С точки зрения современного башкирского литературного языка объяснить происхождение данных топонимов невозможно. Слово **бүжэ**, связанное с горой, сохранилось в среднем говоре южного диалекта: оно употребляется в значении ‘одинок возвышающаяся гора’ [8, с. 62]. В реальной географии действительно **Бүжэ** – одиноко возвышающаяся гора. Но в языке местного населения отсутствует географический термин **бүжэ/бүжэ** в значении

‘одинокое возвышающаяся гора’. Топооснова *бұжә* имеется в ойкониме **Бұжән** – деревня в Зинчурунском районе Башкортостана. За пределами России название горы Бужа зафиксировано на Украине, где Божа – гора в Кременецком районе.

На наш взгляд, топооснова *бұжә* – индоиранский субстрат в башкирской топонимии. Это топооснова объяснима на примере ландшафтной лексики иранских языков. В курдском языке *baž* ‘засушливая земля’; ‘суша, земля’; ‘подножие горы’; *baži* ‘необработанная земля, целина’ – относительное прилагательное от *baž*; *baž-ak* ‘растительность безводных и засушливых мест’. В персидском *baž*; *baž*, также *paža* употребляются в значении ‘холмистая местность’, осет. *Fæž* ‘поляна, выгон’, др.-ир. **pažah-*, др.-инд. *pajas-* ‘поверхность’, *bažon*, *bižun* ‘(тучное) пастбище’ [19, с. 135].

Таким образом, географический термин *бұжәк*, сохранившийся в диалекте и означающий одинокое возвышающуюся гору, генетически связан с индоиранскими языками, в которых *баж*, *бажи*, *пажа*, *бajak*, *бajон*, *бajун* употребляются в значениях: ‘засушливая земля’, ‘суша’, ‘подножие горы’, ‘холмистая местность’, ‘поляна’, ‘выгон, пастбище’.

***kaufa-**; авест. *kaofa-*, др.-перс. *kaufa-*, индо-ир. ***kauphas «гора»**. Слово *каф* восходит к древнеиранскому **kaufa-*; авест. *kaofa-*, др.-перс. *kaufa-*, индо-ир. **kauphas*, ср.-перс. *ко*, перс. *кукоһ*, тал. *ки*, заза *ко*, гур. *кй*, бел. *ко*, семн., ласг., санг. *кй*, сорх., шам. *ки*, газии., сив., седе, *кафр.*, вон., кохр. *кй*, каш. *киһ* «гора» [19]. **Кух, кох** – гора, хребет, вершина горы (таджикский, персидский, афганский языки). В памирских языках – *ку*, *куй*. *Кухистан* – «горная страна», «многогорье», «лес», «непроходимое место, окруженное горами и лесами» (таджикский, персидский языки). Ав. *каофа* «гора, горб верблюда». Древнеперсидское *кауфа* «гора», литовское *каупас* «куча», бадахшанское *хуф* «гора, скала». **Каф тау (Каф тау)** – в современном представлении башкир мифическая гора. Неизвестная, неопределенная территория, по мнению башкир, являлась «дурным местом». Таким представлялось пространство за мифической горой *Каф тау*, где живут ен «джин», пәрей «бес, нечистая сила, дьявол» и другие чудовища. Даже неизвестную, далекую землю башкиры называют «*Каф тау арты*», значит – «за горой *Каф*». В мифопоэтическом представлении народов гора была границей двух миров – «своего» и «чужого». По выражению «*Каф тау арты*» можно судить о том, что для башкир была неизвестной только территория за горой *Каф тау*. Возможно, *Каф тау* реально существующая, известная гора башкирам, которая соответствует современной горе Кавказ или горе Куфи в Ираке.

др.-ир. sax- ‘твердый’, ‘жесткий’; перс. **sax ‘гора’**. **Шахтау** – один из четырех шиханов возле Стерлитамака. Вариант названия **Шәкәтау**. Происхождение названия авторы СТРБ объясняют от диал. *шәке* «пик» и сравнивают с башкирским литературным *суку* и казахским *шоку* и *тау* «гора». По другой версии *шәке* – этноним [20, с. 226]. Название *Шах-тау* известно у балкарцев и карачаевцев, так они называют Эльбрус. На наш взгляд, название легко объяснимо из иранских языков. В курдском языке *шах sax* ‘гора’, ‘отрог’, ‘вершина’, ‘овраг’, ‘ущелье’. Восходит к др.-ир. *sax-* ‘твердый’, ‘жесткий’; перс. *sax* ‘гора’, ‘вершина горы’, ‘твердая почва’, ‘твердый’, ‘жесткий’, ‘торчащий’, ‘прямой’, ягн. скала, согд.-маних. *Sx* твердый, афг. *Sax* «твердый, жесткий, окаменевший» [19, с. 310].

sikatā/*čikatā «песок», «гравий»: курд. *sakat*собр. «горы» [19, с. 248]. Сравн.: перс. *sakat*, ср.-перс. *Sakat* «вершина горы», «темя», арм. (*m* ср.-ир.) *sakat* «лоб, фронт», согд. *Skt*. В иранских языках *sakata* – «острие; вершина горы, верхушка; макушка». Ср.-перс. ран. *sakat*, поздн. *cagad* {*ck't*} «вершина горы, верхушка, темя»; кл. перс. *sakad/cakada* «вершина, верхушка, темя, макушка; вершина горы; щит; совр. перс. *sakud/cakade* 1) «макушка, темя»; 2) «вершина горы»;

осет. *ceegat* 1) «северный склон горы»; 2) «тыльная сторона ножа, топора и т.п.»; 3) «дом родителей для замужней женщины» – значения, в основе которых, по мнению В. И. Абаева, лежит понятие «тыла»; осет. **caged*, сохранившееся в современном топониме Чегет в Приэльбрусье [15, с. 215–216] (Сравните: *Ceged* – город в Венгрии, балк. *Ceget* «северный склон; лес», **sikatā-/ *ćikatā-* «песок», «гравий»: скр. *Sikatā* – «песок», «гравий»). **Сакам тауы** – гора в Янаульском районе, **Сакам асты үзәнлеге** – ложбина в Янаульском районе, с. Новый Артаул. Имеются также гидронимы **Сакам** – левый приток Усени. Ср.: *Сакам*-рч., пр. Узы в Чишминском районе.

3. Ойконимические термины индоиранского происхождения, участвующие в образовании башкирских топонимов:

-stan 'страна'. Страна башкир называется *Башкортостан*, где *-stan* означает «земля» или «страна», источник таких географических названий, как Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Афганистан, Пакистан и т.д., от перс. *-stan* «страна», от индо-иранского **stanam* «место». В ягнобском и памирском языках формант *-истон/-истун* образуют топонимы с обозначением места, места для жилья. Этот формант также широко используется в топонимобразовании и обозначает место жительства людей, народа или место скопления предметов: Себистон (сад), Сангистон (надел), Фаркистон (местность, надел) и т.д.

kala/kalat 'крепость, укрепление на вершине горы'; 'тюрьма'. Происхождение слова объясняют из перс. *Kalat* «укрепление на вершине горы», «село», сравн. тж. ср.-перс. *kalak*, паз. *kala*, маз. *kala*; Бейли, относя их к большой группе иранских слов со значением «село, крепость, город» и возводя их к др.-ир. **kata-*, видит здесь случай отражения древнеиранского интервокального *-t-* как *-l-* в западноиранских языках [19, с. 506]. **Калатау** – д. в Балтаевском р-не. От названия г. **Калатау** (*кала* «городище», *тау* «гора»). Названия со словом *кала* обычно указывают на наличие древних городищ, крупных курганов и т. п. Ср.: **Калабар** – речка в Кугарч. р-не, д. Верхний Саньяп; **Калайылға** – приток Ика; **Калакүл** – озеро в Балтачевском р-не, деревня Нижний Карыш; **Калатау** – горы в Бакалинском, Гафурийском, Мечетлинском, Миякинском, Салаватском, Татышлинском, Чекмагушевском, Чишминском, Янаульском р-нах; **Кала-таш** – гора в Мелеузовском р-не [20, с. 112–113]. Термин широко представлен в тюркских языках: крым.-тат. *къале*, тур. *kale* «крепость, цитадель», куман. *gala*, чув. *хула*, в финно-угорских языках: мар. *хала/ола* «город; крепость». Персидское *ğäl'e* «крепость, цитадель» отражен в топонимах Крыма и Турции: Була-Кале, Ени-Кале, Лимена-Кале, Мангуп-Кале, Чобан-Кале, Чуфут-Кале, Кале, Бююккале, Калекей, Акчакале, Хасанкале и другие. Термин *кала/кале* представлен в ойконимии Ирана: Кале, Каледжик, Акчакале и мн. др., Туркмении: Калаи-Мор, Ходжа-Кала, Янгикала, Ширванкала и др., Афганистана: Калашахар, Хаузкала, Кафиркала и др., Сирии: Калъат-эль-Хусн, Калъат-эс-Салихия, Калъат-Семан, Ирака: Калъа-Ширван, Калъат-Салих и др., Дагестана: Кумтор-Кала, Махачкала и др.

куу 'район', 'квартал города'; 'небольшая улица'; 'деревня'; 'сторона', 'округ'. В названиях башкирских деревень часто встречается элемент *-кәү*: Кинйәкәү – старое название пос. Петровск Ишимбайского района или *-кәй/-кай*: **Азнакай, Канакай, Еникәй, Муллакай, Мулдакай, Ибракай, Исмакай, Исәкәй, Илсекәй, Ишмәкәй, Көрмәнкәй, Күсекәй, Кандра-Тәмәкәй, Муракай, Әзекәй** и мн. др. Авторы «Словаря топонимов Республики Башкортостан» данные названия объясняют как ойконимы, образованные от антропонимов [20]. Действительно, в их образовании участвовали антропонимы. Но все эти ойконимы состоят из двух основ, из антропонима и географического термина *кәү, кәй, кай* – «село». Например, Кинйә+

кәү – деревня или село Кинзи, Илсе+кәй деревня или село Илчи и т.д. Ойконимический термин *кой* в различных фонетических вариантах: крым.-тат., балкар., турец. *көу*, *каб. куйей* и т.д. в значении ‘деревня, селение’ широко употребляется в составе ойконимических терминов в тюркоязычном ареале: Джанкой в Крыму; Яником в Кабардино-Балкарии; Еником в Варненском округе Болгарии; в Турции – Кадыкей на берегу Мраморного моря, на территории Тоболо-Иртышского междуречья – Катангуй, Черемкой, Лумкой и т.д. Топоформант *-кей* широко представлен в Турции: Бююккей, Улукей, Кючюккей, Еникей, Эскикей, Кадыкей, Хаджикией и др. В Осетии этот формант встречается в составе ойконимов в форме *кау*: Абайтикау, Бирагтикау, Карман-Синдзикау, Кесатикау и т.д. В Иране имеются названия населенных пунктов с *койе/куйе* и *куй*: Койе, Куйе, Дехкуйе, Кордкуй, Мекуйе, Никуйе. Как утверждает В. А. Бушаков, топоформант *-кой/-куй/-көй* во многих тюркских языках употребляется в значении «деревня», «селение» [21], а в башкирском языке первичное значение данной топоосновы затемнено. Ойконимический термин *-кой/-куй/-көй* в тюркских языках заимствовано из персидского: *куу* – ‘район’, ‘квартал города’; ‘небольшая улица’; ‘деревня’; ‘сторона’, ‘округ’. В. И. Абаев производит осет. *qæw* ~ *gæw* ‘селение, поселение, аул’ от иранского *gava/gavua* ‘скот; скотоводческое стойбище’ [22].

catir/cadir ‘зонт’; ‘парашют’; ‘шатер’; к. тж. ‘чадра’. Сравн. перс. *catr* ‘зонт, навес, тент’, тюрк. *catyr* ‘шатер, палатка’, рус. (из тюрк.) *шатер* и др., источником которых считают персидскую форму, связанную с др.-инд. *chattra* – ‘зонт от солнца’, *chad-* ‘закрывать, накрывать, укрывать’ [19, с. 226]. Ойконимический термин *шатер* употребляется в тюркских языках – во всех источниках, кроме тув. диал., тоф.; чул. шалаш – тув.; б) изба – кар.; в) летняя кухня из теса – тув. диал.; г) загон для оленей – тоф. Существуют две точки зрения на происхождение *catyr*. Более распространено мнение об иранском, а в конечном счете – др.-инд. источнике слова [23, с. 497–498]. С данным географическим термином связано слово *чадра* – большое полотно, которое используется в качестве покрытия на голову, вуаль, шаль, как правило, для женщин среди мусульманских и индуистских народов, особенно в Индии и Иране. В Башкортостане имеются названия *Сатыртау* от ‘шатер’ и *тау* ‘гора’, *Сатра* – деревня в Благоварском районе, *Түбән Сатра* – деревня в Буздякском районе, *Сатра* – железнодорожная станция в Белорецком, *Сатрайорт* – бывший хутор в Абзелиловском районе и т.д. В Крыму горный массив называется *Чатыр-Даг* ‘чадыр’ – ‘шатер, палатка’ и ‘даг’ – гора.

saray перс. ‘дом, жилище; постоянный двор, караван-сарай; крытый рынок’. перс. *sara(y)* ‘дворец’, ср.-перс. *saray* ‘дом’, ‘здание’ [19, с. 236]. *Һарай* – село в Альшеевском районе РБ. В Крыму существуют много ойконимов от апеллятива: крым.-тат. *сарай*, тур. *saray* ‘дворец’: Алма-Сарай, Бахчисарай, Булат-Сарай, Кадыржи-Сарай/Катарша-Сарай, Коксарай – в Казахстане, Сарай, Аксарай, Кызылсарай, Хатунсарай – в Турции, Сарай, Кушке-Сарай – в Иране, Сарай, Сангарсарай – в Афганистане.

4. Фитонимические термины индоиранского происхождения, участвующие в образовании башкирских топонимов:

и.-е. *m(e)us‘мох’, ‘болотное растение’, ‘плесень’. Название реки **Миасс** (башк. Миэс) – река, правый приток Исети, объяснимо от индоевропейского слова *m(e)us, которое имеет несколько значений: ‘мох’, ‘болотное растение’, ‘плесень’, д.-в.-н. *mios*. англос. *meos* «мох» [24, с. 5]. Действительно, долина реки Миасс сильно заболочена. Исток реки находится в Учалинском районе РБ.

blsa, besa, wesa 'роща'; 'чаща'. перс. *basa*, вонииш. *bisa*, кохр., седе, гази, кафр., сив. *bise*, каш., маз., тал., саг., шам. *vise, visa*, ср.-перс. *Vesak* «роща, лес». В курманджи более употребительна форма *mesa* [19, 202]. **Бешале** – река в Бурзянском районе. Название образовано от башк. диал. *Бешә* «молодая сосна, ель» и афф. -ле. **Мешәлесәңер** – г. в Уфимском районе. Название объясняется из *мешәле* 'сосновый' и *сәңер* 'хребет'. Слова *бише/меше* в значении 'лес', 'роща' употребляются в огузской подгруппе тюркских языков: в турецком, гагаузском, азербайджанском и др.

jangal 'лес': *jangal* 'лес, роща', перс. *Jangal* «лес, роща», скр. *Jangala* 'маловодная, безлюдная, бесплодная область', хинди *jangal* 'лес', 'дикая местность'. Ср.: джунгли «непроходимые заросли», нем. *dschungel*, англ. *jungle*, др.-р. женгель «чаща» восходит к инд. *Džängäl* «невозделанная земля», др.-инд. *jangala* [24, с. 511]. **Йәңгел** – река, правый приток Урала в Абзелиловском районе, деревня Кусим. Происхождение названия можно объяснить из индоиранского *jangal* «лес», скр. *jangala* «маловодная, безлюдная, бесплодная область», хинди *jangal* «лес», «дикая местность» [19, с. 487]. Имеется ойконим **Йәңгел** – деревня в Абзелиловском районе. *Jangal* в значениях «заросли, колючий кустарник» употребляется в туркменском, казахском, киргизском, уйгурском языках. Кроме того, в киргизском, туркменском употребляется в значении «лес» [23, с. 111].

Как показывают материалы анализа, в башкирской топонимии обильно представлены субстратные географические апеллятивы индоиранского происхождения. Часть из них сохранилась лишь в составе башкирских географических названий, например, от географического апеллятива *av/aw* «вода» образованы башкирские гидронимы *Авдон, Авзян, Аврюз* и мн. др. А некоторые географические термины индоиранского происхождения уцелели в диалектах башкирского языка и в настоящее время функционируют в речи диалектоносителей, например, *бешә* «молодая сосна», *бүжәк* «одиноко возвышающаяся гора» и др. Основу башкирской топонимической системы составляют прежде всего субстратные географические термины индоиранского происхождения, которые в ходе функционирования в языке стали топонимами.

Условные сокращения названий языков и диалектов

арийск. – общеарийский

ав. – авестийский

англ. – английский

англос. – англосаксонский

арм. – армянский

афг. – афганский

башк. – башкирский

бел. – белуджский

вед. – ведическое наречие древнеиндийского языка

вон. – вониишунни (один из диалектов Центрального Ирана)

газ. – гази, гязи (один из диалектов Центрального Ирана)

гил. – гилианский

гур. – гуранни

д.-в.-н. – древневерхненемецкий

диал. – диалект

др.-инд. – древнеиндийский

др.-перс. – древнеперсидский

др.-р. – древнерусский
зефр. – зефреи(один из диалектов Центрального Ирана)
и.-е. – индоевропейский
инд. –индийский
индоир. –индоиранский
иран. – иранский
кар. – каратегинский (группа говоров таджикского языка).
кафр. – кафрони(один из диалектов Центрального Ирана)
кашм.- кашмири
кеш – кешеи (один из диалектов Центрального Ирана)
кохр. – кохруди (один из диалектов Центрального Ирана)
курд. – курдский
ласг. – ласгерди (язык/диалект полосы Семнана).
лат. – латинский
маз. – мазандеранский
маних. – манихейские тексты (на среднеперсидском, парфянском, и согдийском языках)
нат. – натанзи (один из диалектов Центрального Ирана)
нем. – немецкий
осет. – осетинский
пар. – парачи
парф. – парфянский
перс. – персидский
рус. – русский
санг. – сангесари (язык/диалект северо-западной группы)
сед. – седеи (один из диалектов Центрального Ирана)
семн. – семнанский
сив.- сивенди (один из диалектов Центрального Ирана)
скиф. – скифский
скр. – санскрит
совр. перс. – современный персидский
согд. – согдийский
сор. – сорани (диалект курдского языка)
ср.-перс. – среднеперсидский
сурх. – сурхеи (язык/диалект полосы Семнана).
тал. – талышский
тоф. – тофаларский
тув. – тувинский
тунг. – тунгусский
тюрк. – тюркский
чул. – чулымский
шам. – шамерзади (диалект мазандеранского языка)
ягн. – ягнобский

Литература

1. Матвеев А. К. Топонимия Урала как памятник языка и истории // *Известия Уральского государственного университета*. **2001**. №19. С. 7–11.
2. Матвеев А. К. Древнеуральская топонимия и ее происхождение // *Вопросы археологии Урала*. **1961**. Вып. 1. С. 133–142.
3. Гарипова Н. Д., Гарипов Т. М. Заметки об иранских элементах в топонимии Башкирии // *Топонимика Востока. Новые исследования*. М.: Наука, **1964**. С. 185–189.
4. Кейекбаев Ж. Г. *Башкорт теленең лексикаһы һәм фразеологияһы*. Өфө: Башк. кит. нәшриәте, **1966**.
5. Мурзаев Э. М. *Очерки топонимики*. М., **1974**. 382 с.
6. Абаев В. И. О языковом субстрате // *Доклады и сообщения института языкознания АН СССР*. №9. **1956**. С. 57–69.
7. *Этимологический словарь иранских языков*. М.: Восточная литература, **2000**. Т. 1.
8. *Башкорт теленең диалекттары һүзлеге (Рәсәй Фәндәр академияһы. Өфө фәнни үзәгенең Тарих, тел һәм әҙәбиәт институты)*. Өфө: Китап, **2002**. 432 бит.
9. Геродот. *История*. В 9-ти кн. М.: Ладомир, **1999**. 752 с.
10. Соколов И. И. *Территория Башкирии и ее население в свете историков древности*. Уфа, **1933**. С. 42–44.
11. Лурье С. Я. *История Древней Греции*. Л., **1940**. Ч. 1.
12. Кейекбаев Ж. Г. *Башкорт теленең лексикаһы һәм фразеологияһы*. Өфө: Башк. кит. нәшриәте, **1966**.
13. Алатырев В. И. *Этимологический словарь удмуртского языка*. А-Б. Ижевск, **1988**.
14. Риттер К. *Иран. Часть первая [единственная]*. СПб.: Издание Императорского Русского Географического Общества, **1874**.
15. *Этимологический словарь иранских языков*. М.: Вост. лит., **2003**. Т. 2. 502 с.
16. Топоров В. Н. Славянские комментарии к нескольким латинским архаизмам // *Этимология*. **1974**. С. 3–19.
17. Кочергина В. А. *Санскритско-русский словарь*. М.: Филология, **1996**. 944 с.
18. Иллич-Свитыч В. М. *Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский): Введение. Сравнительный словарь (ь-К)*. Изд. 2-е. Едиториал УРСС, **2003**. 408 с.
19. Цаболов Р. Л. *Этимологический словарь курдского языка. Том I. А-М*. М.: Восточная литература, **2001**. 687 с.
20. *Словарь топонимов Республики Башкортостан*. Уфа: Китап, **2002**. 256 с.
21. Бушаков В. А. Термины, обозначающие селения и крепости в топонимии Крыма // *Советская тюркология*. **1985**. №2. С. 29–37.
22. Абаев В. И. *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. Т. I. М., 1958; т. II. Л., **1973**.
23. *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика*. М.: Наука, **1997**. 800 с.
24. Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. В 4 т. 4-е изд. М.: Астрель, **2009**.

Поступила в редакцию 27.09.2016 г.

После доработки – 16.10.2016 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2016.5.9

Bashkir place names derived from the substrate geographical terms of the Indo-Iranian origin

© G. H. Buharova

*M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University
3a Oktyabrskoi revolyutsii St., 450000 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.*

Email: buharova_g@mail.ru

Local geographical terms play an important role in the formation of a toponymic system of a geographical region. Archaic vocabulary roots in the mists of time and serves as the evidence of ancient contacts of the local population. Identification, systemic description and comprehensive analysis of toponyms contributes to linguistic and historic research. In this article, the substrate local geographical terminology of the Indo-Iranian origin involved in the formation of the Bashkir place names and ethnonyms is discussed. By allocating place name formants, place name bases, toponymic types, the author attempts to identify the Indo-Iranian substratum in Bashkir geographical terminology and to define its role in formation of place names. As the study shows, substrate geographic appellatives of the Indo-Iranian origin are abundantly represented in the Bashkir toponymy. Some of them are preserved only as the part of Bashkir geographical names, for example, the Bashkir hydronyms Abdon, Avzyan, Avryuz and many others originated from a geographical appellative av/aw “water”. Some geographical terms of Indo-Iranian origin have survived in the dialects of the Bashkir language and are currently spoken by dialect speakers, e. g., *besħa* (a young pine), and *byzhħak* (a lonely towering mountain). The basis of the Bashkir toponymic system is comprised mainly by substrate geographical terms of Indo-Iranian origin, which became toponyms during their functioning in the language.

Keywords: *Bashkir language, Bashkortostan, toponymics, ethnolinguistics, etymology, Indo-Iranian substratum, ethnic contacts, ethnotoponym.*

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Buharova G. H. Bashkir place names derived from the substrate geographical terms of the Indo-Iranian origin // *Liberal Arts in Russia*. 2016. Vol. 5. No. 5. Pp. 517–531.

References

1. Matveev A. K. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 2001. No. 19. Pp. 7–11.
2. Matveev A. K. *Voprosy arkheologii Urala*. 1961. No. 1. Pp. 133–142.
3. Garipova N. D., Garipov T. M. *Toponimika Vostoka. Novye issledovaniya*. Moscow: Nauka, 1964. Pp. 185–189.
4. Keiekbaev Zh. G. *Bashkort teleñleksikahy ħam frazeologiyahy*. Ėfö: Bashk. kit. nashriäte, 1966.
5. Murzaev E. M. *Ocherki toponimiki [Toponymy essays]*. Moscow, 1974.
6. Abaev V. I. *Doklady i soobshcheniya instituta yazykoznaniya AN SSSR*. No. 9. 1956. Pp. 57–69.
7. *Etimologicheskii slovar' iranskikh yazykov [Etymological dictionary of the Iranian languages]*. Moscow: Vostochnaya literatura, 2000. Vol. 1.
8. *Bashkort teleñ dialektary ħyžlege (Rəsai Fəndər akademyahy. Ėfö fənni yžəgeneħ Tarikh, tel ħəm əžəbiät instituty)*. Ėfö: Kitap, 2002. 432 bit.
9. Gerodot. *Istoriya. V 9-ti kn. [History. In 9 volumes]*. Moscow: Ladomir, 1999.
10. Sokolov I. I. *Territoriya Bashkirii i ee naselenie v svete istorikov drevnosti [The territory of Bashkiria and its population in light of the historians of antiquity]*. Ufa, 1933. Pp. 42–44.
11. Lur'e S. Ya. *Istoriya Drevnei Gretsii [The history of ancient greece]*. Leningrad, 1940. Pt. 1.
12. Keiekbaev Zh. G. *Bashkort teleñleksikahy ħam frazeologiyahy*. Ėfö: Bashk. kit. nashriäte, 1966.

13. Alatyrev V. I. *Etimologicheskii slovar' udmurt-skogo yazyka. A-B* [Etymological dictionary of the Udmurt language. A-B]. Izhevsk, **1988**.
14. Ritter K. *Iran. Chast' pervaya (edinstvennaya)* [Iran. Part one (single)]. Saint Petersburg: Izdanie Imperatorskago Russkago Geograficheskago Obshchestva, **1874**.
15. *Etimologicheskii slovar' iranskikh yazykov* [Etymological dictionary of the Iranian languages]. Moscow: Vost. lit., **2003**. Vol. 2.
16. Toporov V. N. *Etimologiya*. **1974**. Pp. 3–19.
17. Kochergina V. A. *Sanskritsko-russkii slovar'* [Sanskrit-Russian dictionary]. Moscow: Filologiya, **1996**.
18. Illich-Svitych V. M. Opyt sravneniya nostraticheskikh yazykov (semitokhamit-skii, kartvel'skii, indoevropeskii, ural'skii, dravidiiskii, altaiskii): Vvedenie. Sravnitel'nyi slovar' (Ь–К). 2 ed. [Comparison study of Nostratic languages (Semitic-Hamitic, Kartvelian, Indo-European, Ural, Dravidian, Altaic): Introduction. Comparative dictionary (b–K)] Editorial URSS, **2003**.
19. Tsabolov R. L. *Etimologicheskii slovar' kurdsкого yazyka. Tom I. A–M* [Etymological dictionary of the Kurdish language. Vol. 1. A–M]. Moscow: Vostochnaya literatura, **2001**.
20. *Slovar' toponimov Respubliki Bashkortostan* [Dictionary of toponyms of the Republic of Bashkortostan]. Ufa: Kitap, **2002**.
21. Bushakov V. A. *Sovet-skaya tyurkologiya*. **1985**. No. 2. Pp. 29–37.
22. Abaev V. I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka. T. I* [Historical-etymological dictionary of the Ossetian language. Vol. 1]. Moscow, 1958; t. II. Leningrad, **1973**.
23. *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika* [Comparative-historical grammar of Turkic languages. Lexis]. Moscow: Nauka, **1997**.
24. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. V 4 t. 4 ed.* [Etymological dictionary of the Russian language. In 4 volumes. 4th edition]. Moscow: Astrel', **2009**.

Received 27.09.2016.

Revised 16.10.2016.